
Доктор исторических наук
М. В. Нечкина

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ МОЛОДОГО ПУШКИНА

(«Священная артель»)

Вопрос о формировании политического мировоззрения молодого А. С. Пушкина относится к числу важных проблем советского пушкиноведения. Материалов для изучения этой темы накоплено немало. Привлекала она и внимание буржуазно-либеральных пушкинистов, занималось ею и реакционное пушкиноведение. Вопрос этот был предметом острой борьбы в литературоведении. Нередко вопрос о разнообразных «влияниях» на Пушкина зарубежных философов и публицистов, преимущественно французских, подменял научное исследование этого крупнейшего вопроса в биографии великого русского писателя. Формировала мировоззрение Пушкина прежде всего русская действительность, русская жизнь, русское общественное движение, кипевшее вокруг поэта. Однако эта сторона дела недостаточно исследовалась, а подчас и прямо выпадала из поля внимания пушкинистов. Между тем ясно, что именно в сфере изучения этих данных можно найти важнейшие материалы для решения поставленного вопроса.

Изучение лица, столь значительно продвинувшееся в советское время, ясно показывает, что он был сотнями нитей связан с русской жизнью своего времени, — стены его не отражали юношей от впечатлений русской действительности. Тем интереснее для нас изучение одной из декабристских общественных организаций, которая была тесно связана с лицеем и идейные воздействия которой несомненно доходили до юного А. С. Пушкина. Я имею в виду «Священную артель», конспиративную организацию в предистории декабристского движения, существовавшую в Петербурге с 1814 г. и основанную не кем иным, как Александром

Муравьевым — будущим основателем тайного общества декабристов. В числе ее участников — немало будущих декабристов. С нею крепко связаны лицеисты — И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер, В. Д. Вольховский,¹ А. А. Дельвиг. Уже этих имен достаточно для того, чтобы привлечь внимание пушкинистов к этому «собратству». Невозможно, чтобы идеи политического кружка, собрания которого посещали лучшие друзья молодого Пушкина, не доходили до поэта. Не приходится доказывать, насколько важно изучить русскую политическую преддекабристскую организацию, идеи которой воздействовали на сознание молодого Пушкина накануне и во время создания им таких произведений политического характера, как, например, надпись к портрету П. Я. Чаадаева и особенно «Вольность».

«Священная артель» была законспирированной организацией и осталась неизвестной следствию над декабристами. В следственных материалах она прямым образом не отражена, — для изучения ее приходится черпать из допросов на следствии лишь косвенные данные. Даже позднейшие воспоминания об «Артели» скупы, а подчас густо зачеркнуты в документальных материалах. Мы не располагаем данными для ответа на вопрос, посещал ли юный Пушкин собрания «Священной артели», и тем не менее тема о ней — насквозь «пушкинская» по смыслу: невозможно пройти мимо той русской общественной организации, политическая идеология которой доходила до Пушкина через его товарищей-лицеистов.

Скупые свидетельства о кружке Александра Муравьева до сих пор не подвергались специальному исследованию. Поэтому имеются все основания попытаться совершить первую разведку в эту чрезвычайно интересную, неизученную область.

Каковы же эти скудные, но бесспорные свидетельства, которые в данный момент необходимо положить в основу изучения вопроса, пока последующие исследователи не найдут новых материалов?

Мы располагаем четырьмя мемуарными свидетельствами высокой достоверности, из которых три (И. И. Пущина, Н. Н. Муравьева, В. К. Кюхельбекера) принадлежат членам артели, а четвертое их близкому другу — декабристу А. Е. Розену. Мы имеем и два документа идейной жизни самой артели, возникших в процессе ее внутреннего развития: памятку «Постоянство», данную артелью Н. Муравьеву, и стихотворение Мещевского «К артельным друзьям». К этому необходимо добавить эпистолярное свидетельство А. С. Шишкова, также относящееся к прямым свидетельствам о «Священной артели».

На первом месте среди перечисленных источников стоит ценнейшее свидетельство ближайшего друга молодого А. С. Пушкина — И. И. Пущина, находящееся в его известных «Записках о Пушкине».

¹ Транскрипция Вольховский, а не Вальховский, применена на основании личных подписей декабриста, имеющихя в его следственном деле (ЦГИА).

I

«Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Калошин и Семенов. С Калошиным я был в родстве. Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими в тайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком; я сдружился с ним, почти жил в нем. Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в общество меня и Вольховского, который, поступив в гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил».¹ Так описывает И. И. Пущин свое вступление в тайное общество декабристов.

Мы видим, что посредствующим звеном, соединившим И. И. Пущина с Союзом Спасения, была артель, основанная молодыми офицерами Генерального штаба. Упоминание на первом месте в ряду ее членов о с н о в а т е л я Союза Спасения Александра Муравьева и последующее участие в с е х упомянутых Пущиным членов артели в Союзе Спасения дает возможность прийти к выводу, что этот «мыслящий кружок» принадлежит к непосредственной предистории первой организации декабристов.

На втором месте среди первоисточников, кроме уже приведенного свидетельства И. Пущина, стоят «Записки» брата Александра Муравьева (основателя декабристского общества) — Н. Н. Муравьева-Карского, пока еще не привлекавшие внимания пушкинистов. Именно эти «Записки» и сохранили наименование содружества «Священная артель»: описывая свой отъезд из Петербурга, Н. Муравьев пишет: «Священная артель наша проводила меня до Средней Рогатки...»; «Святое братство» — говорится об артели в другом месте тех же «Записок» Н. Муравьева.² Свидетельство Н. Муравьева сложно по составу и будет нами приведено и разобрано ниже, по ходу развития темы.

¹ И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Ред. статья и примечания С. Я. Штрайха, Художественная литература, М., 1937, стр. 65.

² Записки Н. Н. Муравьева-Карского опубликованы в «Русском архиве», 1885, IX—XII; 1886, I, II, IV, V, XI. Записки эти приближаются по типу к дневнику. Они, собственно, и переделаны из дневниковых записей, причем записи 1812—1816 гг. переделывались автором в текст мемуарного характера в 1816—1817 гг., когда все события были еще свежи в памяти. Рукопись «Записок» носит следы большой авторской работы, испещрена поправками и главным образом многочисленными зачеркиваниями не только отдельных слов и строк, но и обширных абзацев и страниц. Как правило, зачеркивание осуществлено мелковолнистой чертой, налагаемой чрезвычайно частыми изгибами на рукописный текст, что делает его чрезвычайно трудным для чтения. Поправки и зачеркивания вызваны преимущественно подготовкой рукописи к печати.

Рукопись «Записок Муравьева» хранится в Рукописном отделении Государственного исторического музея в Москве. Она дает возможность восстановить некоторые дополнительные штрихи для истории «Священной артели», в частности упоминает эпитет артели «Священная» в зачеркнутых и изъятых для печати текстах.

В 1936 г. публикация работы Ю. Н. Тынянова «Пушкин и Кюхельбекер» добавила новый материал для изучения интересующей нас темы. Ю. Н. Тынянову удалось прочесть в дневнике В. К. Кюхельбекера густо зачеркнутые строки, находившиеся в конце следующего текста, записанного в Свеаборгской крепости 11 января 1835 г.: «...В Военном Журнале прочел я описание Осады и взятия приступом Ахалцыха, статью покойного Ивана Петровича Бурцова, изданную по его смерти Вальховским. Оба они мне были хорошие приятели, особенно с Вальховским я был даже очень дружен: мы вместе выросли; в Лицее я почти одного его и слушал.¹ Где то время, когда у Бурцова собирался кружок молодых людей, из которых каждый подавал самые лестные надежды. Сам Бурцов, братья Колошины, Василий Семенов, молодой Пущин (Конно-артиллерийский), Жанно Пущин (одна фамилия не разобрана),² Александр Рачинский, Дельвиг, Кюхельбекер. Многие ли из них уцелели?»

Рассеянный Кюхельбекер запомнил отчество Бурцова (не Иван Петрович, а Иван Григорьевич) и Алексея Васильевича Семенова назвал Василием Семеновым (Алексей Семенов, прикосновенный к тайному обществу, был хорошо знаком с И. И. Пущиным). Приведенная выше запись обогащает нас новыми ценными сведениями о кружке Муравьева—Бурцова. Мы узнаем, что в кружке, кроме названных Пущиным лиц, участвовали еще Петр Колошин (брат Павла Колошина), Михаил Пущин (брат И. И. Пущина), Александр Рачинский, Дельвиг, Кюхельбекер и еще какое-то неизвестное лицо.

Кто же это может быть?

Судя по фотокопии, помещенной в указанном номере «Литературного наследства», фамилия его кончалась на «й». Отправляясь от этого факта, можно выдвинуть по меньшей мере два предположения. Сближим прежде всего указанное обстоятельство со следующим свидетельством декабриста А. Е. Розена в его «Записках»: «Не имея никакой помощи из родительского дома, жил он (Вольховский. — М. Н.) чрезвычайно умеренно и расчетливо в артели с Бурцевым, Семеновым, Искрицким и Калошинным...».³ Эти слова интересны, во-первых, как новое свидетельство о существовании артели Бурцова—Колошина; во-вторых, они доносят до нас данные о новом члене артели, фамилия которого как раз кончается на букву «й», — это Искрицкий (или Искритский, как пишется в следственных делах декабристов).

¹ Следующие далее 8 строк рукописи до конца цитаты густо зачеркнуты; см. воспроизведение фотокопии в «Литературном наследстве», 16/18, 1934, стр. 329.

² Повидимому, именно этот пропуск Ю. Н. Тынянов и обозначил знаком вопроса после имени «Жанно Пущин». Сличение приведенного им чтения зачеркнутого текста с фотокопией текста показывает, что одна фамилия осталась непрочтенной. Судя по фотокопии, воспроизведенной в «Литературном наследстве», фамилия эта кончалась на «й». «Литературное наследство», 16/18, стр. 329; ср. стр. 330.

³ А. Е. Розен. Записки декабриста, СПб., 1907, стр. 241.

Имя декабриста Искритского неоднократно упоминается в следственном материале, имеется и особое следственное дело Искритского. Демьян Александрович Искритский, сын обер-секретаря Сената Александра Михайловича Искритского, также служил в гвардейском генеральном штабе. Он был принят в группу Ф. Глинка—Перетца в 1820 г., а накануне 14 декабря Рылеев поручил ему наблюдать за движениями полков, расположенных вдоль Фонтанки. После 14 декабря он около года содержался в крепости, затем был сослан в Оренбургский гарнизон с приказом ежемесячно доносить о поведении. По делу его видно, что он был хорошо знаком с Александром Бестужевым.

Но есть еще другое чрезвычайно важное документальное свидетельство, добавляющее еще одного человека к составу «Священной артели». Фамилия его, кстати сказать, тоже кончается на букву «й». Не принадлежал ли к «мыслящему кружку» еще офицер и поэт Мещевский, сосланный в Сибирь около 1817 г. или несколько ранее? В письме А. С. Шишкова к Александру I по поводу Госнеровской истории содержатся разъяренные тирады против «буйного духа времени», признаки которого становятся «день ото дня явнее».¹ Вспоминая при этом свою цензорскую деятельность, Шишков рассказывает императору, как удалось ему однажды в 1817 г. задержать и не допустить до печати одно явно крамольное стихотворение поэта Мещевского, носившее к тому же весьма подозрительное и непонятное заглавие:

К АРТЕЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ

Друзья! Вот стон души моей,
Скорбящей, одинокой:
Мечта золотая ранних дней
Еще от нас далеко!
Еще в тумане скрыта пель
Возлюбленных желаний!
Кто ж благотворную артель,
Источник всех мечтаний,
Высоких чувств и снов золотых,
Для счастья отчизны,
Кто, в шуме радостей пустых,
Мне заменит в сей жизни?
Я с Вами — и в душе горит
Добра огонь священный;
Без вас — иной все кажет вид,
Столь низкий, столь презренный.

¹ А. С. Ш и ш к о в. Записки, мнения и переписка, т. II. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, Берлин, 1870, стр. 265 и сл. Благодарю И. Н. Розанова, обратившего мое внимание на этот текст. Мещевский, очевидно, был несколько старше прочих «артельщиков», так как уже печатался в 1809 г., — ему принадлежит превосходное стихотворение «Уединение», опубликованное в «Избранных сочинениях из „Утренней зари“» (1809, ч. 1, стр. 259—263). Наиболее подробная работа о Мещевском принадлежит Шипулинскому (Журн. «Искусство»).

Но час пробьет: услышим мы
 Отчества призыванье!
 Тогда появится из тьмы
 Душ пламенных желанье:
 Сплетенные рука с рукой,
 На путь мы ступим жизни,
 И пылкой полетим душой
 Ко щастию отчизны.
 И кто возможет положить
 Преграды нам в полете?
 Кто для отчизны алчет жить,
 Тот выше бедствий в свете.¹

Это замечательное стихотворение, в идейном отношении перекликающееся с пушкинским посланием «К Чаадаеву», повидимому, приведено Шишковым не полностью, — он предваряет приведенные выше строки словами: «В стихах сих *между прочим* говорится следующее», иначе говоря — в них содержалось и еще нечто, им опущенное. Комментарий Шишкова полон ярости: «Не явно ли стихи сии заключают в себе воззвание к возмущению. Ибо что может быть яснее сих слов: д р у з ь я , а р т е л ь щ и к и!»² Слова «артельщики» нет в цитированном выше тексте стихов, но оно явно приведено на правах цитаты, с подчеркиванием, т. е. очевидно было в тексте, опущенном Шишковым. «Какая цель? Для чего скрыта?» — бушует далее Шишков. «О каком щ а с т и и о т ч и з н ы старается какая-то неизвестная, тайная в ы с о к и х ч у в с т в а р т е л ь?»

Спрашивая себя, о какой артели может идти речь, обратим внимание, что идейных, политического значения «артелей» в те годы мы знаем только две: артель Семеновского полка, закрытую в 1815 г. по царскому приказу, и «Священную артель», которая существовала, как мы увидим ниже, до 1817 г. Все содержание стихотворения говорит о том, что воспоминание об артели, с которой автор разлучен, еще чрезвычайно свежо в его памяти. Едва ли в таких живых словах непосредственных, недавних переживаний отразил бы автор память об артели, которая прекратила свое существование уже два года тому назад. Кроме того, речь идет, повидимому, о распавшемся содружестве, невозстановимом как целое, — офицеры-однополчане Семеновского полка не могли бы так вспоминать о своей артели, так как продолжали ежедневно видеться между собой в полку. К упомянутым в стихотворении признакам более всего подходит «Священная артель», с которой мы предположительно и связываем Мещевского.

О Мещевском заботился В. А. Жуковский, напоминавший в 1817 г. в письме к А. И. Тургеневу о необходимости помочь ссыльному поэту, находящемуся в тяжелом положении.³

¹ А. С. Шишков. Записки, мнения и переписка, т. II. Н. Киселева и Ю. Самарина, Берлин, 1870, стр. 266—267.

² Там же, стр. 267. Следующий текст Шишкова — там же.

³ «Русский архив», 1868, стр. 938, 939. Заметка о Мещевском.

Итак, «Священная артель» состояла из братьев Муравьевых, Александра и Михаила, Ивана Бурцова, Петра и Павла Колошиных, Ивана и Михаила Пуциных, Владимира Вольховского, Вильгельма Кюхельбекера, Антона Дельвига, Алексея Семенова, Александра Рачинского, Демьяна Искритского и, повидимому, Мещевского. К этим четырнадцати лицам необходимо добавить пятнадцатого члена кружка — Николая Муравьева, позже названного за военные подвиги Карским, брата Александра и Михаила Муравьевых.

В числе основателей кружка мы видим, таким образом, трех братьев Муравьевых, сыновей известного в свое время ученого и военного деятеля, основателя училища колонновожатых, математика и агронома, генерал-майора Николая Николаевича Муравьева. Семья Муравьевых была связана отдаленным родством с Муравьевыми-Апостолами, давшими движению декабристов двух братьев — Сергея и Матвея, и с семьей Михаила Никитича Муравьева, отца декабриста Никиты Муравьева.

Хотя ученый математик и знаток сельского хозяйства Н. Н. Муравьев (отец) и был, повидимому, далек от каких бы то ни было политических преобразовательных планов, но его интерес к передовым идеям, широкий кругозор и дружеское обращение с молодежью поощрили развитие вольного духа в среде воспитанников училища колонновожатых: из их среды только за 7 лет муравьевского руководства (1816—1823) вышло двадцать три будущих декабриста.¹

Семьи Муравьевых и Колошиных познакомились между собой еще до войны 1812 г. Декабрист Александр Муравьев в своих неопубликованных записках рассказывает, что, приехав в Москву из Петербурга в 1811 г., «я очень обрадовался двум братьям своим, оканчивающим курс наук, особенно душевно обрадовался моему любезному брату Николаю, с которым мы были ближе по летам и понятиям. Занятия по математическому обществу шли с успехом; между членами оного познакомился я с достойными впоследствии товарищами Иваном Григорьевичем Бурцовым, Михаилом, Петром и Павлом Ивановичами Колошинами и еще некоторыми другими; сблизился с почтенным домом Колошиных».²

Близкая дружба братьев Муравьевых, Александра и Николая, с их родственниками Сергеем и Матвеем Муравьевыми-Апостолами также началась еще до войны 1812 г. Александр Муравьев пишет в своих неопубликованных записках: «Когда дядя Николай Михайлович с семейством уезжал в деревню, то с согласия его перешли мы из флигеля в самый дом, где часто посещали нас дальние родственники наши Матфей и Сергей

¹ Н. П. Чулков. Москва и декабристы. Сб. «Декабристы и их время», т. II, стр. 295—296.

² Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописное отделение, рукопись записок Александра Муравьева, фонд Шаховских, Шах. (II, 18) 136, л. 8 об. Рукопись, к сожалению, сохранилась не в полном виде, уцелели только конец II части (1810—1811) и почти вся III часть, посвященная войне 1812 г.

Ивановичи Муравьевы-Апостолы, одних с нами лет, приехавшие с матерью своею из Парижа, где воспитывались. Прекрасные, благородные, ученые молодые люди сии после войны вошли в состав политического общества, о коем будет говорено в своем месте. Мы с ними проводили время отчасти в чтении и научных беседах, отчасти в дружеских разговорах. Характер двух братьев был различен: Матфей был веселый и приятный товарищ, Сергей же сурьезный; первый определился в Семеновский полк, а второй в корпус путей сообщения, который в то время только что начал возникать и стал в соперничество с корпусом колонновожатых».¹ О близкой дружбе с Муравьевыми-Апостолами пишет в своих записках и второй по старшинству брат — Николай Муравьев.² Поскольку Сергей Муравьев-Апостол вступил на службу по возвращении из-за границы в 1809 г., то дружба его с Муравьевыми должна быть отнесена примерно к этому же времени.

В предистории изучаемого нами кружка, а стало быть, и в предистории декабризма имеется любопытнейшая юношеская — по формам почти детская — тайная организация, основанная будущим членом «Священной артели» прапорщиком Николаем Муравьевым в Москве среди своих товарищей прапорщиков и юнкеров — будущих декабристов: она отмечена страстным увлечением идеей всеобщего равенства, республиканизмом и увлечением Руссо. О ней рассказывает Николай Муравьев в своих записках: Руссо попал к нему в руки, когда ему было всего 16 лет, т. е. около 1810 г., — едва ли старший его брат Александр познакомился позже с теми же произведениями. «...Чтение Руссо отчасти образовало мои нравственные наклонности и обратило их к добру; но со времени чтения сего я потерял всякую охоту к службе, получил отвращение к занятиям...», — пишет Николай Муравьев.³ Было основано тайное общество с целью образования республики на основе всеобщего равенства: «Как водится в молодые лета, мы судили о многом, и я, не ставя преграды воображению своему, возбужденному чтением Contrat social Руссо, мысленно начерчивал себе всякие предположения в будущем. Думал и выдумал следующее: удалиться чрез пять лет на какой-нибудь остров, населенный дикими, взять с собою надежных товарищей, образовать жителей острова и составить новую республику, для чего товарищи мои обязывались быть мне помощниками. Сочинив и изложив на бумагу законы, я уговорил следовать со мною Артамона Муравьева, Матвея Муравьева-Апостола и двух Перовских, Льва и Василия, которые тогда определились колонновожатыми; в собрании их я прочитал законы, которые им понравились. Затем были учреждены настоящие собрания и введены условные знаки для узнавания друг друга при встрече. Положено было взяться правою рукою за шею и топнуть ногой; потом, пожав товарищу руку, подавить ему ладонь средним паль-

¹ Библиотека им. В. И. Ленина, Рукописное отделение, фонд Шаховских, Шах. (II, 18), ч. II, л. 11.

² «Русский архив», 1885, № 9, стр. 11 и др.

³ Там же, стр. 12.

цем и взаимно произнести друг другу на ухо слово «Чока». Слово «Чока» означало Сахалин. Именно этот остров был выбран членами общества по совету Сенявина и Перовского-старшего для организации на нем республики по планам «Социального договора» Руссо. Николай Муравьев продолжает далее:

«Меня избрали президентом общества, хотели сделать складчину, дабы нанять и убрать особую комнату по нашему новому обычаю; но денег на то ни у кого не оказалось. Одежда назначена была самая простая и удобная: синие шаровары, куртка и пояс с кинжалом, на груди две параллельные линии из меди в знак равенства; но и тут ни у кого денег не оказалось, посему собирались к одному из нас в мундирных скуртуках. На собраниях читались записки, составляемые каждым из членов для усовершенствования законов товарищества, которые по обсуждении утверждались всеми. Между прочим постановили, что каждый из членов научился какому-нибудь ремеслу, за исключением меня, по причине возложенной на меня обязанности учредить воинскую часть и защищать владение наше против нападения соседей. Артамон назначено быть лекарем, Матвею — столяром. Вступивший к нам юнкер конной гвардии Сенявин должен был заняться флотом».¹ Как видим, все члены этого общества, за исключением основателя, позже оказались в рядах декабристов.

Война 1812 г. прервала жизнь тайного общества «Чока». И она же заставила сменить полудетские мечты о сахалинской республике на гораздо более зрелые планы, в которых местом деятельности тайного общества был уже не Сахалин — «Чока», а огромная крепостная Россия — родина.

II

Связанные родством или знакомые друг с другом с детства, многие участники будущего кружка встретились на полях Отечественной войны 1812 г. В ней участвовали, в сущности, все члены будущего «мыслящего кружка» за исключением лицейстов.

Младшие участники кружка — Иван Пущин, Вольховский, Кюхельбекер и Дельвиг — сидели в бурные дни 1812 г. еще на лицейской скамье, но и для них, как и для Пушкина, события войны были незабываемым впечатлением отроческих лет:

Вы помните? Текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас...²

¹ «Русский архив», 1885, № 9, стр. 25—26. Артамон Муравьев был известен как лекарь и среди ссыльных декабристов в Сибири.

² А. С. Пушкин. «Была пора: наш праздник молодой...». Соч., т. III, стр. 382.

Таким образом, дружеский круг, позже соединенный артелью, был в значительной степени «детьми 1812 года», как сказал о декабристах Матвей Муравьев-Апостол в своих записках.¹

Форма офицерских «артелей» распространилась со времени заграничных походов; офицеры-однополчане объединялись, селились вместе, вместе обедали, занимались науками, проводили свободное время, развлекались. Эти артели были предшественниками тайных декабристских обществ. В декабристской литературе широко известна «семеновская артель», организованная в 1815 г. офицерами лейб-гвардии Семеновского полка. Участник артели декабрист И. Д. Якушкин пишет в своих «Записках»: «В Семеновском полку устроилась артель: человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанности службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, — такое времяпрепровождение было решительно нововведение... Полковой командир Семеновского полка генерал Потемкин покровительствовал нашей артели и иногда обедал с нами; но через несколько месяцев император Александр приказал Потемкину прекратить артель в Семеновском полку, сказав, что такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся».² Семеновская артель, таким образом, была политически заподозрена и ликвидирована.

Такого же рода артелью и явилась артель Муравьева — Бурцова, возникшая среди офицеров квартирмейстерской части Генерального штаба. Зародилась она еще раньше семеновской артели — в 1814 г.

В 1814 г. был дан приказ по русским полкам о возврате в Россию.

Александр Муравьев вместе со своим старым другом И. Г. Бурцовым приехали на корабле из Любека и поселились сначала отдельно от Михаила. Но скоро возникла мысль поселиться всем вместе и зажить артелью. «Однажды, сидя с братом и Бурцовым, — рассказывает Николай Муравьев, — нам пришло на мысль жить вместе, нанять общую квартиру, держать общий стол и продолжать заниматься для образования себя. С другого же дня все отправились ходить по улицам для отыскания удобного помещения. Бурцов нашел квартиру в Средней Мещанской улице, где мы и поместились. Каждый из нас имел особую комнату, а одна была общая; в хозяйстве соблюдался порядок под моим управлением в звании артельщика».³ Так было положено основание артели — во второй половине 1814 г. Это была сразу и хозяйственная и идейная организация. Небогатые Муравьевы почти не получали денег от отца и были крайне стеснены в средствах; жить артелью было дешевле и удобнее. Но друзья посели-

¹ Матвей Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисловие и примечания С. Я. Штрайха, изд. «Былое», Пг., 1922, стр. 40.

² Записки И. Д. Якушкина, изд. 7-е, 1926, стр. 12—14.

³ Записки Н. Н. Муравьева. «Русский архив», 1886, № 2, стр. 131—132.

лись вместе и для дружеского идейного общения, для совместных занятий, «для образования себя». Лениность члена артели в занятиях самообразованием вызывала замечания товарищей. «Мы старались исполнять службу свою самым ревностным образом, занимались между тем и дома в свободные часы...», — продолжает свой рассказ об артели Н. Муравьев. — Мы постоянно обедали дома, имея за столом нашим всегда место для двух гостей. Стол был не роскошный, по ограниченности наших средств, но мы жили порядливо и соразмерно своим доходам. Когда брат Михайла приехал с Кавказских вод,¹ он поселился вместе с нами. Появились у нас учителя. Александр и Бурцов взяли турецкого учителя, но скоро бросили его; они же двое и я стали учиться по-итальянски. Михайла стал со мною учиться по латине».²

На этом этапе своего развития артель просуществовала всего несколько месяцев. Весной 1815 г. гвардия вновь спешно двинулась в заграничный поход, и жизнь артели на Средней Мещанской прервалась. Наполеон бежал с Эльбы и открыл свой триумфальный поход по Франции — начались знаменитые «Сто дней». Александр, Николай Муравьевы и Бурцов были прикомандированы ко второй колонне гвардейского корпуса, двинувшейся за границу.

Войска вернулись из второго (незаконченного) «заграничного» похода в том же 1815 г., и артель возобновилась сейчас же — как бы сама собой. Она одновременно и возросла численно. «По прибытии нашем в Петербург, я нашел брата Александра и Бурцова уже возвратившимися». (Николай Муравьев задержался в пути, чтобы заехать к родственникам по вопросу о предполагаемой женитьбе.) «Они уже наняли квартиру для нас всех вместе, на Грязной улице, в доме генеральши Христовской. Для порядка в обществе нашем были приняты правила с общего согласия; я избран в казначеи и артельщики. Мы обедали большей частью дома, жили порядливо, умеренно и были довольны. Занимаясь поутру службою или образованием своим, мы проводили вечера вместе, в беседе... Общество наше состояло из старшего моего брата, меня, Михайлы, который возвратился с Кавказских вод, Бурцова и двух Колошиных. Я первый оставил дружное братство наше, дабы удалиться в Грузию».³ Заметим, что на следствии Колошин также показал, что жил вместе с Бурцовым на одной квартире.⁴

Адмирал И. С. Мордвинов, отказав Николаю Муравьеву в руке своей дочери, потребовал его отъезда из столицы, чтобы толки, разгласившиеся по городу, не компрометировали девушки. Этим объясняется спешный отъезд Николая Муравьева на Кавказ.

¹ Он лечился там от раны, полученной в 1812 г. при Бородине.

² «Русский архив», 1886, № 2, стр. 132.

³ Там же, стр. 142.

⁴ «Восстание декабристов» (Центрархив), III, стр. 31. В дальнейшем сокращается: ВД.

Кульм дружбы и идейной близости высоко стоял в артели, выражение «братья и товарищи» встречается у Николая Муравьева в применении к членам артели. Артель рассматривала себя как единое целое. Всем составом проводила артель отбывающего: «При выезде из Петербурга, братья и товарищи проводили меня до Средней Рогатки; сердце мое было сжато, когда я простился с друзьями». Рассказывая во второй раз в своих записках об этом отъезде, Николай Муравьев придает артели эпитет «Священная»: «Священная артель проводила меня до Средней Рогатки; тут мы простились; они не знали, что навек».¹

Исследователь имеет все основания предположить, что, не будь этих происшествий и вынужденного отъезда на Кавказ, — в Союзе Спасения одним членом было бы больше: так явственен в этот момент вольнодумный облик члена «Священной артели» Николая Муравьева.

Итак, «Священная артель» возникла в 1814 г., на короткое время прервала свое существование в связи с заграничным походом 1815 г. и возобновилась в 1815 г. До какого времени она существовала? О ней пишет Пущин, относя свои посещения артели ещё к лицейскому времени, через нее он и принят в 1817 г. в первую декабристскую организацию — Союз Спасения.

В 1817 г. осенью гвардия пошла походом в Москву, где оставалась, в связи с пребыванием там царя и его семьи, целый год, до осени 1818 г. Все члены артели (исключение представляет тут только Павел Колошин, но и то справедливость его наказания в этом отношении можно заподозрить)² переехали с гвардией в Москву. Хотя квартира Александра Муравьева в Хамовнических казармах в Москве и осталась центром сбора общества, но жизнь артели, повидимому, этим переездом была разрушена: петербургские завсегдашние артели уже не могли ее посещать, да и вообще сведений о ней после 1817 г. нет. Александр Муравьев вернулся из Москвы в Петербург в августе 1818 г. уже женихом, в сентябре женился и уехал в деревню. Бурцов в 1819 г., став адъютантом П. Д. Киселева, переехал на юг в Тульчин. Когда Павел Колошин приехал из Москвы в Петербург в декабре 1820 г., то остановился он уже не в артели, которой не существовало, а у И. И. Пущина, «у отца которого жил по связям близкого родства».³ Таким образом, «Священная артель», очевидно, прекратила свое существование осенью 1817 г. с уходом гвардии в Москву. Надо признать,

¹ В рукописи Исторического музея первоначально стояло: «Я первой оставил священное братство наше, дабы удалиться в Грузию...» При позднейшей подготовке рукописи к печати Н. Н. Муравьев уже дрожащей старческой рукой зачеркнул слово «священное», исправив: «дружное». Очевидно, слово «священное» уже стало казаться неподходящим по соображениям цензурного характера (Ист. М. ОПИ. Н. Н. Муравьев. «Собственные записки», ч. 6-я, 1815 — 1816, л. 17, стр. 1423 авторской нумерации).

² Павел Колошин доказывал Следственному комитету свое отсутствие в Москве в момент «Московского заговора 1817 года».

³ ЦГИА, фонд 48, д. 65, л. 4 об.

что она оказалась, таким образом, довольно стойкой организацией, просуществовав в общем около трех лет, т. е. столько же, сколько существовал, например, Союз Благоденствия.

«Священную артель» и лицейстов связывали также общие учителя. Учение в «Священной артели» не ограничилось занятиями турецким, латинским и итальянским языками; ее членов интересовали и общественные науки, и черпали они свои знания из того же источника, откуда и лицеисты, — из лекций А. П. Куницына. Бурцов показывал на следствии: «подобно многим гвардейским офицерам в свободные часы от службы я посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках».¹ Слушал эти же лекции и Павел Колошин: «В том же (1817) или следующем году (брал я уроки) у Куницына политической экономии в квартире Г. Фридрихса (лейб-гвардии Московского полка); для повторения служили тетради его».²

Естественно предположить, что и некоторые другие члены только что возникшего Союза Спасения были в числе слушателей Куницына.

В «Записках» Николая Муравьева отмечена важная особенность внутренней организации артели: молодежь устроила ее внутренний быт на республиканский манер; в одной комнате висел «вечевой колокол», по звону которого все члены артели собирались для решения общих дел. «Каждый член общества имел право в него звонить», — замечает Николай Муравьев: «По звуку все собирались и тогда решались требования члена». Расставаясь с «братьями и товарищами», Николай Муравьев горько оплакивал и этот колокол: «Зазвонит вечевой мой колокол, но по нем никто уже не соберется. Приятный звон сей проводит меня через места чужие, раздастся по обширной степи, эхо повторит его в горах: наконец, умолкнет он, когда строгий долг службы повелит мне оставить воспоминания».³

Преклонение перед новгородской вечевой «республикой» — яркая характерная черта декабризма. Любовь к отечеству, национальное чувство требовало того, чтобы желаемую форму политического бытия можно было освятить воспоминанием о славном историческом прошлом. И Пестель, и Никита Муравьев в своих конституционных проектах назвали будущий парламент революционной России «Народным Вечем». Высокая оценка Новгорода характерна для декабристов. «Я вспоминал блаженные времена Греции, когда она состояла из республик и жалостное ее положение потом. Я сравнивал величественную славу Рима во дни республики с плачевным ее уделом под правлением императоров. История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей», — говорил Пестель на следствии.⁴ Столь же серьезно думал над вечевой

¹ ЦГИА, фонд 48, д. 95, л. 6—6 об. (дело Бурцова).

² ЦГИА, фонд 48, д. 224 (дело Колошина Павла); заметим, кстати, что в числе учителей Павла Колошина встречается еще один лицейский преподаватель — Н. Ф. Кошанский.

³ «Русский архив», 1886, № 2.

⁴ ВД, IV, стр. 91.

формой управления Великого Новгорода один из основателей Союза Спасения — Никита Муравьев. В «Любопытном разговоре» — «вольнодумческом катехизисе», сочиненном Никитой Муравьевым, встречаем мы такие вопросы и ответы:

«Вопрос: Какое было на Руси управление без самодержавия?»

Ответ: Всегда были народные вечи.

Вопрос: Что значит вечи?

Ответ: Собрание народа. В каждом городе при звуке вечевого колокола собирался народ или выборные, они совещали об о б щ и х всех делах...; назначали, сколько где брать ратников; устанавливали сами с общего согласия налоги; требовали на суд свой наместников, когда сии грабили или притесняли жителей. Таковые вечи были в Киеве на Подоле, в Новгороде, во Пскове, Владимире, Суздале и в Москве.

Вопрос: Почему же сии вечи прекратились и когда?

Ответ: Причиною тому было нашествие татар, выучивших наших предков безусловно покорствоваться тиранской их власти.¹

И позже, на каторге, в сибирской артели декабристов имитировались любимые формы новгородского веча. Начало этому увлечению положила, как видим, «Священная артель».

Артель притягивала гостей, распространяла свое влияние в более широком кругу, нежели круг непосредственных членов. Некоторые знакомства членов артели должны тут быть упомянуты. Конечно, проводниками влияния артели на Пушкина были прежде всего четыре лицеиста — его друга. Но этим не ограничивалось дело — общий круг знакомых был гораздо шире.

Никита Муравьев, родственник братьев Муравьевых, основателей «Священной артели», был старым знакомым Пушкина — они познакомились или до августа 1813 г., когда Никита Муравьев ушел в свой первый заграничный поход, или между сентябрем 1814 и апрелем 1815 г., когда он был в Петербурге между первым и вторым заграничными походами. «Что делает Пушкин? Бывают ли у вас Катенин, Гнедич, Крылов?» — спрашивает свою мать Никита Муравьев в письме из Вены от 7 мая 1815 г.²

В хранящейся в Пушкинском Доме «Ведомости о состоянии Лицея»,³ записано, что 21 ноября 1814 г. лицей посетил «прапорщик Муравьев». Чрезвычайно правдоподобно предположение, что это не кто иной, как Никита Муравьев. Ни один из известных нам Муравьевых не имел, кроме него, в тот момент чина прапорщика. Василий Львович Пушкин познакомил привезенного в Петербург племянника еще до поступления в лицей с целым рядом своих литературных знакомых. В числе московских литера-

¹ ВД, I, стр. 322.

² «Литературное наследство», 16/18, стр. 631.

³ Фонд 244, оп. 25, № 120. На эту книгу обратил мое внимание М. А. Цявловский. Он же указал мне на упоминание в этой книге фамилии Пестеля.

турных знакомств Василия Львовича, конечно, находилась семья близкого к литературе куратора Московского университета Михаила Никитича Муравьева, умершего в 1807 г. С Екатериной Федоровной Муравьевой и ее сыном Никитой Василий Львович, конечно, видался и в 1812 г. в Нижнем Новгороде, где оба нашли убежище во время пребывания Наполеона в Москве. Естественно предположить, что знакомство Пушкина с семьей Муравьевых, и повидимому близкое, могло завязаться через дядю. Среди лицейстов у Никиты Муравьева не было ни родственников, ни близких знакомых, и предположение, что он познакомился с Пушкиным именно в лицее, навещающая какого-то другого своего знакомого лицейста, менее правдоподобно.

В той же «Ведомости о состоянии Лицея» неоднократно упоминается фамилия Пестелей. 17 мая 1814 г. лицей посетил «действительный статский советник Пестель с фамилиею». Сибирский губернатор Борис Иванович Пестель мог, по правдоподобию предположению М. А. Цявловского, посещать лицейста Илличевского, отец которого был помощником Пестеля по Сибирскому управлению. Семьи Илличевских и Пестелей, очевидно, были знакомы домами. 18 октября 1814 г. лицей посетила «генерал-майорша Пестель», она же третий раз значится в записи от 14 декабря 1816 г. В «фамилию» Пестелей, конечно, могли входить и дети Ивана Борисовича и Елизаветы Ивановны Пестель. Героя Бородина, раненного в сражении и награжденного Золотым оружием, любимейшего сына родителей — Павла Пестеля, семья усердно всюду «показывала» по его возвращении из заграничных походов; это входило в планы старика Пестеля, тщательно следившего за карьерой своих сыновей. Нет сомнений, что Пушкин видывал «фамилию» Пестелей в лицее, и возможно, был ей представлен.

Близкий Кюхельбекеру Федор Николаевич Глинка, в руках которого даже побывал заветный лицейский словарь, конечно, также старый знакомый Пушкина.

Но круг общих знакомств этим не ограничивается. Александр Муравьев был дружен с Александром Раевским; дружба возникла, повидимому, еще в 1812 г., когда братья Муравьевы на Бородинском поле защищали батарею Раевского (Михаил был ранен при батарее). Дружба окрепла в заграничных походах: в Париже в 1814 г. Александр Муравьев познакомил брата Николая «с товарищами своими. Один из них был Александр Раевский, капитан гвардии, молодой человек, сын генерала Раевского. Я с ним прежде видался, и он мне не нравился. Брат с ним был дружен, но я его никогда не любил. Заметно было, что он показывал брату такую дружбу единственно с целью, чтобы Александр его превозносил».¹ Как видим, своеобразные черты пушкинского друга подмечены и в этой характеристике. Александр Раевский с мая 1814 г. состоял адъютантом у генерала Васильчикова и был переведен в лейб-гвардии гусарский полк,

¹ Записки Н. Н. Муравьева. «Русский архив», 1886, № 2, стр. 114.

стоявший в Царском селе, где Раевский и познакомился с лицеистом Пушкиным в 1816 или 1817 г.¹ Павел Черевин — «давний приятель» И. И. Пушина (по его собственному определению)—был родственником Раевских.

Пушкин знал лично и Бурцова, о котором несколько раз упомянул в своем «Путешествии в Арзрум». По понятным причинам Пушкин был крайне сдержан в этом предназначенном для печати произведении, упоминая о лицах, замешанных в деле декабристов. Даты первого знакомства с Бурцовым в «Путешествии» не приведено, но не сказано и о том, что знакомство произошло на Кавказе; в свете только что изложенных фактов правдоподобно предположение о знакомстве Пушкина с Бурцовым во время существования артели, т. е. в 1815—1817 гг.

Нечего говорить о том, что брата своего друга — Михаила Пушина, входившего в число посетителей артели [В. Кюхельбекер пишет о нем в дневнике: «молодой Пушин (Конно-артиллерийский)»], Пушкин, конечно, давно и хорошо знал. Без риска можно предположить и знакомство с братьями Колошинными, близкими родственниками Пушиных, с которыми лицеист Пушкин, по собственному признанию, был очень дружен, — он показывает на следствии, что с Павлом Колошиным «по давнишему дружеству и родству был очень откровенен».² Таков был круг дружеских знакомств членов артели, связывающих ее с Пушкиным.

Никита Муравьев познакомился с Пестелем в 1816 г. и по собственному свидетельству «сблизил его с Александром Муравьевым»: «В это время познакомился я с Пестелем и, найдя в нем те же мысли, сблизил его с Александром Муравьевым, который в то же время вступил в связь с князем Трубецким».³ В «Записках» Янушкина рассказано о частых встречах декабристов — имена определяют круг близких знакомств членов «Священной артели»: «В это время (в 1816 г.— М. Н.) Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я — мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем... В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство, и, наконец, явное неуважение к человеку вообще».⁴

Таким образом, «Священная артель» теснейшим образом связана со всем пушкинским окружением этих лет и вместе с тем со всем декабристским кругом. Она органически вплетена в историю общественного движения времени и стоит на пороге первой тайной декабристской организации.

¹ См. А. С. Пушкин. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского, т. I, стр. 189. Примечание Б. Л. Модзалевского.

² ЦГИА, фонд 48, д. 65, л. 7 об. (дело Павла Колошина).

³ ВД, I, стр. 305.

⁴ Записки И. Д. Янушкина, изд. 7-е, 1926, стр. 15.

III

Что же можно сказать об идейной жизни и политических настроениях членов этого «мыслящего кружка», как назвал его И. Пущин?

Необходимо прежде всего обратить внимание на политический характер и конспиративные черты «Священной артели». В ней велись разговоры не только о «зле существующего порядка вещей», но и о «возможности изменения, желаемого многими втайне» (Пущин). Артель ждет, что «час пробьет», жаждет услышать затем «Отечества призыванье», а потом и «появиться из тьмы» на зов отечества «сплетенные рука с рукой» (Мещевский). Охранитель самодержавных устоев А. С. Шишков имел основание всполошиться, прочтя эти строки. Обратим также внимание на факт непосредственной передачи членов артели в тайное общество (Пущина, Вольховского), а также и на то, что «Священная артель» существовала и после того, как артель Семеновского полка уже была запрещена Александром I. Учтя все это, мы поймем, почему В. Кюхельбекер, записав через много лет несколько, внешне совершенно невинных строк, содержащих в сущности только перечень фамилий «кружка молодых людей, подававших самые лестные надежды», немедленно припомнил об этом кружке нечто такое, что заставило его густо зачеркнуть написанные строки.

В истории «Священной артели», повидимому, можно наметить два переломных момента. Первый относится к 1815 г. и связан с ликвидацией семеновской артели. Если учесть, что артель семеновских офицеров, возникнув в 1815 г., просуществовала, по свидетельству Якушкина, всего «несколько месяцев» и была закрыта по требованию Александра I, надо признать, что «Священная артель» по меньшей мере с конца 1815 г. вела, так сказать, полулегальное, а может быть и нелегальное существование: «такие сборища» Александру I «очень не нравились», и не может быть, чтобы офицеры Главного штаба не знали об этом недовольстве царя и о закрытии семеновской артели. С конца 1815 г. «Священная артель», следовательно, не чувствовала себя в политическом смысле вполне безопасной. В 1816 г. организовалось первое тайное общество декабристов—Союз Спасения, возникшее по инициативе основателя артели Александра Муравьева. Большинство участников артельного кружка стало членами строго конспиративной организации, поставившей перед собой политические цели. «Священная артель», как уже было указано, явилась некоторым образом колыбелью Союза Спасения. Таким образом, политическая жизнь «Священной артели» с момента возникновения до конца существования протекает все более и более напряженно.

Лицейсты становятся посетителями артели и втягиваются через нее в политическую организацию, повидимому, в период наибольшего обострения ее политических интересов. С 1816 г. Союз Спасения и «Священная артель» сосуществуют. Указанные обстоятельства открывают возможность изучить идейную жизнь артели не только на основании «Записок»

И. Пущина, дневника Кюхельбекера и «Записок» Н. Н. Муравьева-Карского, но и на основании следственных дел декабристов, входивших в состав кружка. На следствии нередко шла речь об истоках декабристского вольномыслия. Ответы на этот вопрос дают драгоценный материал для суждения об идейной жизни изучаемого кружка.

«Зло существующего у нас порядка вещей» с предельной ясностью расшифровывается всей последующей историей декабристской идеологии. Лицейсты Пущин, Вольховский и Кюхельбекер беседовали в «мыслящем кружке» о зле всей системы крепостного строя. Союз Спасения в основу своей программы положил лозунги борьбы с крепостным правом и самодержавием, — это основные требования декабристов, которые и остались основными на всем протяжении существования тайного общества. Бурцов принял Ивана Пущина в Союз Спасения летом 1817 г. — как раз во время отъезда Пушкина в деревню. К этому времени тайная организация уже имела свой устав, написанный главным образом Пестелем.¹ Таким образом, Пущина и Вольховского приняли в тайное общество на основе устава. Отсюда следует, что оба они разделяли основную цель Союза Спасения — борьбу с крепостным правом и самодержавием — и дали клятву (и даже не одну, а по меньшей мере две)² — хранить тайну общества, быть верными его уставу и действовать в его духе.

Общая напряженная атмосфера идейного кипения характерна для этих лет. Все резче проявляется деление общества на два лагеря — на «староверов», защитников старого, и сторонников нового, убежденных противников старой жизни, уже заметивших, говоря словами Чацкого, «прошедшего житья подлейшие черты» и вышедших на битву с ними во имя торжества «свободной жизни». В эти годы задумано «Горе от ума», где столкновение молодого, убежденного сторонника нового с лагерем старого мира положено в основу замысла. Сами декабристы говорили о мощной силе «духа времени», которая двигала их на борьбу со старым, косным миром. «Дух времени» повелительно требовал от передового лагеря стать на защиту молодых ростков нового в жизни своей любимой родины, угнетенной крепостным правом и самодержавием. Широко известно замечательное определение «духа времени», данное Пестелем в ответе на вопрос следствия: «Каким образом революционные мысли и правила постепенно возрастали и укоренялись в умах и кто, где начал и продолжал внушать и распространять оные в Государстве?» Пестель, один из основателей Союза Спасения, писал:

«На сей вопрос весьма трудно отвечать: ибо ответ мой должен будет уже выходить из круга суждений о Тайном обществе. Не менее того во исполнение приказания Комитета постараюсь объяснить, как могу.

¹ М. В. Нечкина. Союз Спасения. «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 137—184.

² Там же, стр. 162. Первая клятва — клятва о неразглашении узванного, вторая — в верности уставу.

Политические книги у всех в руках; политические науки везде преподаются, политические известия повсюду распространяются. Сие научает всех судить о действиях и поступках правительства: хвалить одно, хулить другое. Происшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, равно как предшествовавших и последовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей... Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (*fait bouillir les esprits*). Вот причины, полагаю я, которые породили революционные мысли и правила и укоренили оные в умах.¹

Пушкин показывает на следствии о том же «духе времени»: «Свободный образ мыслей по естественному ходу духа времени заимствовал я от чтения политических книг, коим занимался по выходе из Лицея...»² Говорит о «духе времени» и сам основатель «Священной артели» и Союза Спасения — декабрист Александр Муравьев, горько каясь на следствии: «Пагубный дух времени заразил нас еще в иностранной земле, и мы, как чумные, внесли заразу сию в Отечество наше».³ Передовая лицейская молодежь также была носителем «духа времени» — освободительных идей, политического протеста и разоблачающей крепостнической строй критики, — идейные истоки декабристского вольномыслия и «лицейского духа» были едины. Булгарин в своем известном доносе о «лицейском духе» метко схватил его основные черты, сближавшие лицейскую молодежь с декабристскими настроениями: «Молодой вертопрах должен... порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или сам быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных... знать все самые дерзкие и возмутительные стихи и места самые сильные из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах, казаться неверующим христианским догматам... Верно поданный значит укоризну на их языке, европеец и либерал — почетные названия».⁴ «Лицейский дух» и «дух декабристский» совпадали в основном — в отрицательном отношении к существовавшему самодержавно-крепостническому строю.

¹ ВД, IV, стр. 94, 105.

² ВД, II, стр. 208.

³ ВД, III, стр. 16.

⁴ «Былое», 1918, № 1, стр. 16.

Из «Записок» И. И. Пущина мы уже знаем, на какие темы велись беседы в артели. От резкой, передовой критики до желания революционным образом переделать мир окружающего крепостного рабства и самодержавного деспотизма был уже только один шаг... Недаром Бурцов, хорошо знавший лицейских гостей артели, решил, что они готовы «для дела», и принял в общество Пущина и Вольховского.¹

Повидимому, Вольховский после выхода из лицея вскоре поселился в «Священной артели»; это видно из показания на следствии полковника П. В. Аврамова, так же как и Бурцов, бывшего адъютантом П. Д. Киселева: он показал, что Бурцов в Петербурге «жил вместе с Вальховским на квартире».² Привязанность же И. И. Пущина к Бурцову была исключительной. На следствии Пущин до последней возможности скрывал имя Бурцова, чтобы не выдать друга. Сначала он заявил, что «никто не способствовал» укоренению в нем свободного образа мыслей, и твердо назвал некоего штабс-капитана Беляева, как человека, принявшего его в тайное общество. Лишь в самом конце следствия (показание об этом от 19 мая 1826 г. — последнее в деле И. И. Пущина),³ уличенный показаниями Оболенского, Нарышкина и ряда других декабристов, Пущин вынужден был признать, что «Беляев есть вымышленное лицо», что принял его в общество Бурцов и что ввел он в заблуждение Комитет «из некоторого чувства сострадания к Бурцову». (В Комитете раздраженно ставили Пущину в вину «излишнее и неприятное» затруднение, устроенное Комитету этим его вымышленным показанием).⁴ Важно отметить, что, сидя в Петропавловской крепости, Пущин с 31 января 1826 г. и даже ранее наверняка знал, что Бурцов уже арестован и допрашивается, но все-таки не хотел назвать его имени.⁵ Лицейсты крепко сдружились с членами артели.

¹ Любопытно, что И. И. Пущин применял слово «артель» и для обозначения всего лицейского товарищества. В письме его к Энгельгардту от 8 мая 1845 г. из Сибири он пишет о своем дне рождения: «Бывало, в Лицее, в этот день, в столовой, вместо казенного чая, стоят чашки, наполненные кофею, со стопкой сухарей, и вся артель пьет с поздравлением приготовление Левонтия Кемерского. С тех пор много воды утекло...» (И. И. Пущин и в. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Под ред. С. Я. Штрайха, М., 1925, стр. 202). Слово «артель» вообще было довольно ходовым словом того времени в связи с артелями в армии. В Сибири декабристы тоже, как известно, образовали артели, преследовавшую хозяйственные цели. Характерно, что эта артель считалась действующей и после возврата декабристов из Сибири (см. там же, стр. 268 и др.). Отметим, что артель — народное и для той эпохи в некоторой степени «солдатское» слово. Так, Шишков глубокомысленно поясняет, что в стихотворении Мещерского приведено слово «артель» нарочно, «дабы под словом «артельщик» разуместь вместе и солдат» (А. С. Пушкин. Записки, мнения и переписка, т. II, Берлин, 1870, стр. 267).

² ЦГИА, фонд 48, д. 240, л. 2.

³ ВД, II, стр. 232. Таким образом, Пущин около полугода не называл на следствии имени Бурцова. Так как следствие уже шло к концу и о Бурцове все было известно, показание Пущина не нанесло ему вреда и не ухудшило его положения.

⁴ ВД, II, стр. 232—233.

⁵ ВД, II, стр. 395.

Заметим, что на следствии Пущин выгораживал и своего товарища Вольховского, утверждая, что он в обществе якобы никакого участия не принимал.¹ Дружба была обоюдной. Вольховский на допросе вынужден был упомянуть в числе своих знакомых по обществу брата Пущина Михаила («конной артиллерии Пущин»), но скрыл имя лицейского товарища Ивана Пущина.

Отличительная черта «Священной артели» — любовь к отечеству. Члены артели были страстными патриотами, любящими Россию. Патриотизм их резко отличался от официального охранительного «патриотизма» правительства Александра I, был ему антагонистичен. Это был патриотизм преобразовательный, революционный, стремившийся переделать положение угнетенного отечества. Недаром и первое тайное общество декабристов называлось «Обществом истинных и верных сынов отечества». Название подчеркивало, что «сыны отечества» бывают разные — встречаются и не истинные и не верные; патриотизмов в александровской России было два — официально-правительственный и революционный, преобразовательный. В тайное общество Александр Муравьев вступил «по ложной ревности, по ложному и безрассудному понятию о любви к отечеству», «из ложного и превратного понятия о любви к отечеству».² Тут отчетливо видно противопоставление двух патриотизмов. И лицейство привела в «Священную артель» и сомкнула с прочими единомышленниками такая же — истинная — любовь к отечеству. Именно так объясняет И. И. Пущин свое вступление в тайное общество, происшедшее в «Священной артели» в 1817 г.: «Убеденный в горестном положении отечества моего, я вступил в общество с надеждою, что в совокупности с другими могу быть России полезным слабыми моими способностями и иметь влияние на перемену правительства оной».³ Это же чувство страстного патриотизма идейно объединило с артелью и второго друга Пушкина — Кюхельбекера. О своей любви к родине и патриотизме Кюхельбекер говорит яркими словами: «...взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ Русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец, по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему пред всеми свойственному, я душою скорбел, что все это подавляется, все это вянет и, быть может, опадет, не принесши никакого плода в нравственном мире!»⁴

Мы узнаем, таким образом, какой характер имела в «Священной артели» и в тайном обществе декабристов любовь к отечеству. Это был не казенный, а революционный, преобразовательный патриотизм,

¹ ВД, II, стр. 225.

² ВД, III, стр. 16, 17.

³ ВД, II, стр. 210.

⁴ ВД, II, стр. 166.

желание коренным образом изменить, говоря словами И. Пущина, «г о р е с т н о е положение отечества». В этом свете комментируется любопытный документ «Священной артели» — памятка, присланная ею уехавшему на Кавказ Николаю Муравьеву через его брата Александра. «Он привез мне лист от артели нашей, — пишет Николай Муравьев, — за подписанием всех членов. Содержание оно следующее:

Постоянство.

Почтенный друг и товарищ! Дружба, постоянство и правота, сущность и основание артели, коея ты еси член, понудили нас, твоих братьев, лист сей тебе послать и тем нашу любовь к тебе и доброжелательство изъяснить. Да будет он тебе воспоминанием святого братства и верным залогом дружбы нашея! И тако, пребудь здрав и, сколько творцу угодно, благополучен. Бог да благословит тебя, честная душа, и любовь к отечеству да руководствует тобою, а воспоминание о неразрывной артели да усладит тебя во всех твоих трудах и начинаниях!

Подписи

В Святом
Петрограде

30 июня 1816 года.

Обратим внимание на то, как ярко выражена в этом документе духовная связь членов артели, — ясно, что артель не была только хозяйственной организацией. Она рассматривала себя как «святое братство», «неразрывную артель», и отъезд товарища не лишал его звания члена артели — за тысячи верст от артели он оставался принадлежащим к «братству». Характерно и шутивное приложение к этому листу. «Артель мне прислала в подарок зрительную трубку, дабы в нее я мог видеть собратью свою из отдаленнейших стран». Важнее же всего в документе — «любовь к отечеству», упомянутая как **руководитель** члена артели. Мы только что расшифровали, какой характер она носила, как отрекались от **т а к о й** любви к отечеству кающиеся арестанты Петропавловской крепости. Понятно и замечание Николая Муравьева по поводу полученной памятки: «Я сей лист высоко чту и никогда ни на какие аттестаты не променяю».¹

Отметим, что в пушкинском стихотворении, посвященном В. К. Кюхельбекеру в момент расставания с лицом, также содержится только что упомянутое в «памятке» выражение «святое братство»: «святому братству верен я...».²

IV

Каково было отношение членов и посетителей артели к политическому строю, к самодержавию? Этот вопрос был самым тяжелым для декабристов на следствии. Сосредоточенное на разборе отношения к царевубийству,

¹ «Русский архив», № 4, стр. 448, 449.

² А. С. Пушкин. Разлука. Соч., т. I, стр. 259.

следствие над декабристами относило все конституционные помыслы к разряду наиболее тяжелых преступлений. Даже разговоры об освобождении крестьян были в его глазах менее криминальными, чем какое бы то ни было посягательство на неприкосновенность неограниченной царской власти. Но тем не менее показания членов, входивших в «мыслящий кружок», оказавшийся колыбелью первой тайной организации, дают немало материала для ответа на эти вопросы.

В показаниях основателя общества Александра Муравьева мы встречаем покаянную тираду о его политических мнениях, которая явно намечает требования раннего общества: «Я тогда еще не верил, что цари от бога поставляются; что царства и правления богом учреждаются, а не людьми; что подданные обязаны повиноваться Государю и учрежденным властям и правлению, каково бы оно ни было».¹ Отсюда ясно, что в период своей революционной деятельности Муравьев и его единомышленники считали, что не бог, а люди «поставляют царей» и учреждают царства и что от людей зависит изменить порядок правления в царствах и переменить царей, и что подданные не обязаны повиноваться царю и властям, если признают их распоряжения неправильными. Эти политические принципы играли большую роль в «мыслящем кружке». Характер политических замыслов раннего общества ярко подтверждается покаянными тирадами Михаила Муравьева: он клянется, что совершенно отстранился «от политических замыслов» с 1821 г., — стало быть, до 1821 г. в обществе политические замыслы были; он клянется, что с 1821 г. «никакие политические соединения для меня более не существовали», — стало быть, до 1821 г. таковые для него существовали. Он клянется, что с 1821 г. «в сердце и душе своей бытие свое соединил с существующим порядком вещей» или «слил свое бытие с существующим порядком вещей и лишь в совершенной тишине и спокойствии Государства находил прочное щастие семейной своей жизни»,² — иначе говоря, признавался, что до 1821 г. был противником «существующего порядка вещей» и придерживался таких мнений, которые влекли к нарушению тишины и спокойствия в государстве.

Мы не располагаем большим количеством свидетельств для суждения о том, какой именно политический строй представлялся членам «Священной артели» наилучшим, — республиканский или конституционно-монархический. С одной стороны, перед нами факт явного преобладания конституционно-монархических воззрений в Союзе Спасения. Если исходить из предпосылки идейной преемственности, то необходимо заключить, что и в «Священной артели» политические настроения были конституционно-монархическими. Основатель артели и основатель первого декабристского общества Александр Муравьев придерживался конституционно-монархических взглядов; то же можно сказать на основании следственного

¹ ВД, III, стр. 17.

² ЦГИА, фонд 48, д. 189, л. 19—20.

дела о Бурцове. Оба Колошина также стояли на точке зрения конституционной монархии вплоть до собрания Коренной Управы Союза Благочестивия в 1820 г. в Петербурге, когда общим голосованием по докладу Пестеля конституционная монархия была заменена в программе республикой. Павел Колошин принимал участие в собрании и также голосовал за республику. Бурцова не было на съезде 1820 г., и он узнал о республиканском решении только на юге от вернувшегося из Петербурга Пестеля. Последний показал: «Никто не противоречил сему (республиканскому. — М. Н.) заключению Коренной Думы, исключая одного Бурцова, который показывал сомнение ввести в Россию республиканское правление».¹ Лицеисты, примкнувшие к артели, также стояли на конституционно-монархических позициях и, повидимому, остались на них и в дальнейшей их деятельности в Северном Обществе. Назимов показывал о Вольховском: «Вообще к(аппитан) Вольховский был всегда кроток и воздержан в словах, и сколько я принимал его, то политические мнения его клонились к монархическому конституционному правлению».² Сам Вольховский, представивший следствию общество, как совершенно не имевшее цели политической («Общество, имевшее целью благотворение и нравственное усовершенствование членов с условием ничего не делать противного правительству»),³ ничего, разумеется, не сказал о своем сочувствии конституционной монархии. Но Назимову, повидимому, можно верить в этом вопросе. И. И. Пущин также стоял за конституционную монархию, считая, как и все остальные, необходимым принять решение об образе правления не через малочисленное тайное общество, а через собрание всенародных депутатов: «Я всегда был того мнения, что отечество наше должно быть управляемо ограниченной Монархией и что общество, составленное из нескольких лиц, не может решительно определить, так или иначе должно быть управляемо государство, заключающее сорок миллионов жителей. Оно должно по произведении переворота предоставить собраным от всех сословий депутатам назначить тот образ правления, который общим мнением признается полезнейшим и для всех благодетельным».⁴

Иначе говоря, Пущин, как и другие, не предрешал формы правления, но лично стоял за конституционную монархию, так сказать, голосовал бы за нее в будущем учредительном собрании, повидимому испытывая опасения, «готова ли» Россия к республике. Это ни в малейшей мере не исключает общего политического убеждения, что поистине наилучшей является республиканская форма правления. В силу этого я не усматриваю глубоких, принципиальных противоречий между последующей программой Союза Спасения и предшествующими республиканскими настроениями «Священной артели» («вечевой колокол» и пр.).

¹ ВД, IV, стр. 177

² ЦГИА, фонд 48, д. 240, л. 10 об.

³ ЦГИА, фонд 48, д. 240, л. 7 (дело Вольховского).

⁴ ВД, II, стр. 225.

Но из указанного выше с несомненностью следует, что в артели происходили жаркие споры на эту тему.

Общее сочувствие республике мне представляется возможным усмотреть, например, из неоднократного наименования Пушциным цели тайного общества, его «общего дела» — латинскими словами «*res publica*»; слово «дело» для краткого условного наименования подготовки переворота неоднократно встречается и у Пущина и у других декабристов: Пущин замечает, например, в своих «Записках о Пушкине», что Бурцов, принявший его в тайное общество, «нашел, что по мнениям и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела».¹ Замечательно далее употребление латинских слов: «Первая моя мысль была открыться Пушкину: он всегда согласно со мною мыслил в деле общем (*res publica*)». Едва ли употребление латинских слов — здесь простой перевод русских «общее дело»: этим словом ясно определилась вся совокупность мнений тайного общества. В своей сибирской переписке Пущин горько замечает, что дело 14 декабря было делом «горсточка людей»,² и в письме к своему брату, горько осуждая ход Крымской войны, тяжелые «нынешние обстоятельства», в которых оказалась Россия, пишет: «Ты очень справедливо трунишь надо мною, но согласишься, что пока дело общее (*res publica*) будет достоянием не многих, до тех пор ничего не будет. Доказательство — нынешние обстоятельства».³ Письмо это переслано И. И. Пушциным брату не «казенным путем», через III отделение, а нелегально, через знакомого адъютанта барона Крюднера, что дало возможность выражаться более свободно. Таким образом, латинские слова «*res publica*» для обозначения революционного общего дела Пущин пронес через всю свою жизнь, от лицейских времен до конца сибирской ссылки. Это, конечно, отражало и положительное общее отношение к республиканским идеалам при отстаивании на определенном историческом этапе именно конституционной монархии для России.

Из всего сказанного выше следует диктуемая существом дела логическая необходимость сопоставлять идеологию пушкинской «Вольности» не с французскими политическими брошюрками жалкой эпохи Реставрации и реакционной «Бесподобной палаты», а с идеями живого русского общественного движения, которыми столь тесно и глубоко — и через дружеские связи, и через общую идейную атмосферу лицейского братства, и через кипевший в умах молодой России «дух времени» — был связан Пушкин. Он призывает в «Вольности» «грозу царей» и «свободы гордую певичу»,

¹ И. И. Пушцин. Записки о Пушкине, М., 1937, стр. 65. Подчеркнуто мною. — М. Н.

² Неопубликованное письмо к Н. П. Свистуну от 6 сентября 1851 г. ЦГИА, фонд 48, оп. 3, д. 12.

³ И. И. Пушцин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Ред. и биографический очерк С. Я. Штрайха, М., 1925, стр. 234.

он ясно и с великим чувством возмущения видит вокруг себя «зло существующего порядка вещей»:

Увы! Куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы...¹

Ода «Вольность» пишется уже во время существования Союза Спасения, в его поуставный период. В силу этого приобретает особое значение свидетельство Пущина о том, что Пушкин одинаково с ним мыслил о «деле общем», хотя и не принадлежал к тайной организации. Это сходство идей, поистине, поразительно. Детальный разбор вопроса не может входить именно в данную тему, — он явно относится не только к ней, но и к Союзу Спасения, первой декабристской организации. Но все же напомним о высокой оценке конституционной монархии — политическом лозунге и оды «Вольность» и Союза Спасения:

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье...²

Но идеология членов артели и зарождающегося Союза Спасения все же не исчерпывается отрицательным отношением к крепостному праву, защитой конституционной монархии и пылкой любовью к родине, освящавшей эти преобразовательные идеалы. Мы можем отметить еще и дополнительные черты. Идейная жизнь «Священной артели» характеризовалась еще религиозным «безверием», увлечением идеями Радищева, ярко выраженной передовой национальной идеологией, защитой русской национальной культуры, преклонением перед историческим прошлым России, борьбой против «русских немцев». Остановимся на этих любопытных чертах, начав с последней.

Эпоха 1789—1871 гг. была временем буржуазно-демократических движений во всемирной истории.³ В России существовало свое внутреннее иго, тормозившее национальное развитие, иго крепостного права и самодержавия. Лозунги национально-освободительного освобождения, насыщенные буржуазным содержанием, были передовыми, революционными лозунгами в условиях крепостной России: формирующуюся нацию давила и стесняла феодально-крепостная оболочка.

Отсюда — положительное, прогрессивное содержание национальных русских лозунгов в устах первых представителей дворянской революционности. Выдвинутые ими национальные лозунги шли по той же исторической линии, что и движение в целом.

¹ А. С. Пушкин. Вольность. Соч., т. I, стр. 314.

² Там же, стр. 315.

³ См. В. И. Ленин. Под чужим флагом. Соч., т. 21, изд. 4-е, стр. 126.

В «Священной артели» отстаивались русские национальные формы жизни. Недаром артель связала свои «республиканские» формы с «новгородским» «вечевым колоколом». И. Д. Якушкин в своих «Записках» упоминает, что Александр Муравьев и его братья «были враги всякой немчизне».¹ Но с этим сильно выраженным стремлением ко всему русскому хорошо уживалось и уважение к революционному Западу. Интересно свидетельство Якушкина, что Александр Муравьев (и даже не один, а со своей невестой) пел «Марсельезу».²

Любовь ко всему русскому проявилась у членов артели еще в ранней молодости. Проявлялась она у будущих членов артели и до войны 1812 г. Декабрист Александр Муравьев в своих еще не опубликованных записках рассказывает, как он со своим приятелем еще в 1811 г. возмущался преимущественным положением в правительстве и в русской армии иностранцев, «русских немцев». Друзья даже не то сочинили, не то выискали некий «указ царя Алексея Михайловича», который запрещал немцам занимать в России должностные места. «Между шутками нашими мы Русские поддразнивали наших товарищей немцев домашних будто бы чтением одного указа царя Алексея Михайловича: „Учали находить на царство наше разные еретики и немцы, и мы, собрав свои бояре, архиереи и думные люди положили оных... немцев в нашу царскую службу не принимать, селить их на Грязной речке и считать их на черной доске“. Указ этот кто-то из наших, кажется, Колычев нашел, но сколько мне известно, он не находится в собрании законов, хотя действительность его несомненна. Добрые товарищи немцы подсылали послушать наши чтения и с некоторым неудовольствием отходили, но ссоры между нами никогда не происходило».³ В этой же рукописи записок А. Н. Муравьева рассказывается о розни между «русскими» и «немцами», которые, хотя и не ссорились между собой, но разделились на «партии» в 1811 г., работая над заданиями Генерального штаба. «Общество наше состояло из весьма порядочных людей Русских и немцев и хотя все мы были в дружеских между собою отношениях, тем не менее немецкая партия мало-помалу отделилась от Русской, так что обе стороны стали собираться отдельно каждая и работать в особых местах больших чертежных зал».⁴ В «Записках» его брата Николая Муравьева-Карского рассказывается о столкновениях последнего с «русскими немцами»; в этих столкновениях он отстаивал честь русских, их национальное достоинство. Все эти случаи вырисовывают ясно линию Муравьевых, а с ними, очевидно, и всего их кружка, линию, близкую к отношению Чацкого к «французику из Бордо»: она выражалась в любви ко всему передовому

¹ И. Д. Якушкин. Записки, изд. 7-е, М., 1926, стр. 16.

² Там же, стр. 27.

³ Неопубликованная рукопись записок декабриста А. Н. Муравьева, ч. II, л. 8 (8 об). Библиотека им. Ленина, Рукописное отделение, фонд Шаховских. Шах. (II, 18) 13 б.

⁴ Там же, л. 7.

национальному, в защите достоинства русских, их права на преобладающую роль в управлении страной и в армии, — русские должны управлять Россией. «Жалкая тошнота по стороне чужой» и «пустое, рабское, слепое подражанье», очевидно, находили в них решительных противников. Эта линия была передовой новиковско-радищевской линией борьбы против дворянской галломании и слепого преклонения перед всем иностранным, линией на национальную самостоятельность, которая позже нашла такое яркое воплощение как в конституционных проектах декабристов, так и во всей идеологической системе Северного и Южного обществ. Национальная идеология этого зарождающегося общества тесно связана с характерной для него «радищевской» любовью к Отечеству.

Именно радищевская традиция является характерной чертой как «Священной артели», так и Союза Спасения. Вопрос о влиянии Радищева на декабристов вообще мало изучен. Вопрос о радищевской традиции в «Священной артели» не оставил после себя каких-либо резко ощутительных следов в документальном материале, но отблеск этой традиции лежит на деятельности кружка, что будет сейчас показано. То, что вольнолюбиво настроенная молодежь вообще была знакома с Радищевым, не подлежит сомнению. Прямое свидетельство этому есть, между прочим, в деле Кюхельбекера. Горько каясь и выгораживая себя, Кюхельбекер пытается доказать, что запретные книги Радищева или Княжнина привлекают-де любопытство читателей только потому, что запрещены. Защищая свободу печати и возражая против цензурных стеснений, Кюхельбекер пишет о чрезвычайном распространении «рукописной словесности», причем упоминает, что читал и «Вадима» Княжнина и «Путешествие» Радищева, в котором я мало что понял. Между тем их переписывают с жадностью и дорожат каждым дерзким словом, которое находят в них». ¹ Оставим на совести кающегося узника даваемые им характеристики: для нас в этом свидетельстве важно, во-первых, прямое указание на знакомство лицейстов с Радищевым; во-вторых, свидетельство о наличии рукописных экземпляров его книги; в-третьих, ценна и характеристика отношения к нему — его переписывали с жадностью и дорожили каждым дерзким словом. Неудивительно, что лицеисты были знакомы с этим запретным произведением. По меткому выражению болгаринского доноса, лицей был прямо складом запретных изданий и рукописей: если что из них надобилось начальству, то «относились прямо в Лицей», где всегда и находили искомое. Кюхельбекер был очень в курсе «рукописной словесности»: заверяя следствие, что он никогда не написал ни одного стихотворного политического пасквиля, он попутно ярко и наивно обнаружил широкое знакомство с такого рода литературой: «ни одного из всех известных и неизвестных правительству пасквилей не признаю своим». ²

¹ ВД, II, стр. 167.

² ВД, II, стр. 157.

Остановимся еще на одной черте идеологии «Священной артели» — на неверии. Самый термин «неверие» принадлежит Александру Муравьеву, основателю артели, и неоднократно им употребляется в показаниях на следствии. Он считает религиозное неверие даже одной из причин образования Союза Спасения. Это место уже цитировалось выше: тайное общество составилось после возвращения из-за границы «по ложной ревности, по ложному и безрассудному понятию о любви к Отечеству, по неверию и невежеству нашему».¹ Книги Монтескье и Руссо, как говорит кающийся Александр Муравьев, писаны «под влиянием собственного поврежденного разума человеческого, лишённого света веры».² Члены первого тайного общества, по его же показаниям, «кружились вне религии» («я не знал также, что истинно полюбить Отечество свое невозможно, ежели кружиться вне религии»³). Муравьев ставит себе в заслугу то, что, отойдя в 1819 г. от тайного общества, он старался «изводить и их из заблуждения и обращать к святой религии»,⁴ что уже само по себе свидетельствует об отходе членов тайного общества от «святой религии». Особенно характерно свидетельство А. Муравьева, что, разорвав с обществом, он «много однако потерпел в публике, ибо выставлен был как ханжа, святоша, лицемер и религиозный фанатик».⁵

«Безверие» Пушкина, отмеченное лицейским начальством, было, как видим, свойственно не ему одному: это была характерная черта передовой молодежи того времени, нашедшая себе выражение, например, в «Священной артели». Выросшее в самом Пушкине, во внутреннем процессе его развития, его неверие питалось из общих идейных источников эпохи. Оно находило разнообразные поддерживающие его влияния и в окружавшей его среде. Прежде всего это была среда его товарищей, а между ними находились и члены «Священной артели». Написанное по заказу начальства лицейское стихотворение «Безверие» 1817 г. перекликается с настроениями первых представителей декабризма. Образ неверующего дан в «Безверии» лишенным каких бы то ни было колебаний; его положение обрисовано в заказном стихотворении как прочно безвыходное: его душа — «увядшая» душа, «ужасная пустота» его томит, искать божества в природе для него «напрасно»; его слезы — слезы «отчаянья» и «ожесточенья»; «Он бога тайного нигде, нигде не зрит», и тихому моленью он внимает «с досадой». Финал дает дополнительную формулу:

... нет, нет! не суждено
 Ему блаженство знать! Безверие одно,
 По жизненной стезе во мраке вождь унылый,
 влечет несчастного до хладных врат могилы.

¹ ВД, III, стр. 16; ср. стр. 17.

² ВД, III, стр. 8.

³ ВД, III, стр. 17.

⁴ ВД, III, стр. 20; ср. стр. 22.

⁵ ВД, III, стр. 24.

Обрисованный конфликт в стихотворении не разрешен, выхода нет, — ясно, что неверующий, какого бы сожаления он ни был достоин, не верит и не будет верить. Заключительные строки стихотворения об ожидающем его «в пустыне гробовой» покое, в котором он, измученный, столь нуждается, звучат как условное разрешение конфликта, но отнюдь не в пользу веры. Под формулой Пушкина: «Ум ищет божества, а сердце не находит»¹ подписался бы не один «неверующий» декабрист. Утром 6 марта 1821 г. Пушкину было о чем говорить с Пестелем на религиозные темы: «Mon coeur est materialiste, mais ma raison s'y refuse», — сказал ему Пестель. У него тоже ум искал божества, а сердце не находило.

Мы не имеем прямых данных о посещении «Священной артели» Пушкиным и должны выбирать поэтому между двумя предположениями. Первое: живой и общительный Пушкин, дышавший в лицее воздухом свободолюбия, рвавшийся к общению с людьми («Безбожно молодого человека держать взаперти...»), — жаловался он П. А. Вяземскому в письме из лицея в марте 1816 г.),² не бывал там, где «частым гостем» был его ближайший, душевный, кровный друг — Иван Пущин, куда тянулись еще три лицеиста — друг Вильгельм Кюхельбекер, друг Дельвиг, хороший приятель Вольховский. Другое предположение противоположно: возможно, что и бывал. Если пришлось бы выбирать между двумя гипотезами, я, колеблясь, выбрала бы вторую, как наиболее правдоподобную. Если же учесть еще и то, что Пушкин, несомненно, был знаком с братом своего лучшего друга Ивана Пущина — Михаилом и, очевидно, знал также и родственников Пущина — Колошиных,³ если учесть, что Кюхельбекер «всегда был приятелем»⁴ Пущину, то основания для такого выбора дополнительно укрепятся.

Но дело, разумеется, не исчерпывается вопросом о том, посещал ли Пушкин «Священную артель». Вопрос гораздо глубже и значительнее. Тема о «Священной артели» значительно расширяет наше представление об идеологической атмосфере, которая окружала молодого Пушкина в последние лицейские годы и после выхода из лицея. Друзья и товарищи, «частые посетители» артели, не могли не доносить эту идейную атмосферу до Пушкина. Она не могла не отражаться в их разговорах, в спорах, в самом поведении, в суждениях о постоянно волновавшем их «зле существующего порядка вещей». Без этой атмосферы невозможно понять вольнолюбивой поэзии Пушкина и прежде всего «Вольности».

¹ А. С. Пушкин. Безверие. Соч., т. I, стр. 240—242.

² А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 9.

³ Петр Колошин на допросе по делу декабристов показал, что знал «двух Пущиных, с которыми нахожусь в родстве» (ЦГИА, фонд 48, д. 224, л. 1 об.).

⁴ ВД, II, стр. 189.

Обычное представление о том, что идеология «Вольности» родилась только в тургеневском кругу под идейным воздействием Николая и Александра Тургеневых, представляется в силу изложенного выше слишком узким. Этот круг и это воздействие — лишь один из компонентов окружавшей Пушкина гораздо более широкой среды, в которой он сам был столь значительной активной силой. Русская общественная жизнь окружила молодого Пушкина сложным кругом явлений, и в этом кругу одно из важнейших мест занимает колыбель первого тайного декабристского общества, преддверие Союза Спасения — «Священная артель».

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград

1951
